

**К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ САМОБЫТНОСТИ НАРОДА**
**THE QUESTION OF RESEARCH METHODOLOGY
SOCIOCULTURAL IDENTITY OF THE PEOPLE**

Аннотация. В статье на основе систематизации имеющихся в западной и отечественной литературе концептуальных подходов уточняется понимание и соотношение центральных категорий современной политической философии: самобытность, идентичность, менталитет.

Summary. In the article on the basis of existing systematization in the Western and Russian literature conceptual approaches and understanding of the specified ratio of the central categories of modern political philosophy: identity, identity, mentality.

Ключевые слова: социокультурная самобытность, менталитет, национально-государственная идеология.

Keywords: socio-cultural identity, mentality, national-state ideology.

Мировой опыт свидетельствует, что в условиях модернизирующегося общества (к таковому сегодня относится и Беларусь) возрастает значение фундаментальных ментальных ценностей, отражающих ключевые вехи его истории, культуры и этногенеза народа. Проблема сохранения национальной и культурной самобытности приобретает особую актуальность на фоне глобализации. В современной политической лексике центральное место заняли понятия «традиция», «идентичность», «самобытность» (последнее – русского происхождения и более точное, чем его западный коррелят, передает содержание вкладываемого в него смысла). На всемирной конференции ЮНЕСКО в Мехико (1982) понятие «самобытность» поставлено в один ряд с такими, как «независимость» и «суверенитет».

Однако пока отсутствует единая исследовательская парадигма изучения взаимообусловленности нашего прошлого и настоящего. Представляется, что комплексной методологией исследования данной проблематики может стать изучение ментального измерения общественного сознания. Цель настоящей статьи состоит в осмыслении и уточнении понятия «ментальность» («менталитет») на основе систематизации и оценки имеющихся в западной и отечественной литературе концептуальных подходов.

Проблема сохранения самобытного духовного наследия белорусского народа сегодня интересует не только ученых, но и политиков, как считает Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко «для нас единственно верное решение – оставаться на родной, сложившейся веками белорусской почве. Бессмысленно копировать чужие ценности и установки на основании того, что та или иная страна в данный момент времени сильна и богата» [1, с. 20].

Становление социокультурной самобытности народа – одно из самых трудноуловимых явлений общественного сознания. Сложность изучения данной проблемы объясняется тем, что процесс формирования «родовой памяти» этноса происходит намного раньше, чем возникает сам народ – носитель этой ментальности. Для изучения социокультурной самобытности в современном обществоведении используется несколько методик:

- изучение и реконструкция исторических событий с целью ретроспективной экспертной оценки, позволяющей объяснить настоящее состояние общественного сознания;
- исследование фольклора, языка, этнографических источников и художественной литературы для выявления характерных для данного народа черт этнического (национального) характера;
- проведение социологических опросов для изучения имеющихся сегодня сходств и различий в позициях представителей различных народов.

Белорусские ученые-обществоведы ведут исследования по всем перечисленным направлениям. В качестве положительного момента можно отметить, что нормативный подход к трактовке белорусской ментальности, имевший место в начале 1990-х годов, постепенно уступает место эмпирическому. Вместо перечисления нередко произвольно отобранных характеристик так называемой «белорусскости» наблюдается стремление к научному социологическому исследованию специфики белорусской ментальности. Об этом свидетельствуют результаты эмпирических исследований В.В. Кириенко, Л.И. Науменко и других белорусских авторов.

Тем не менее, как уже отмечалось, в западной и отечественной литературе пока отсутствует единая исследовательская парадигма, позволяющая глубоко осмыслить роль ментальности в общественном сознании и политике современного общества. Причина этого состоит в том, что ментальность как одно из самых трудноуловимых состояний общественного сознания долго рассматривалась скорее как образно-метафорическое понятие.

Впервые понятие «менталитет» (от лат. *mente* – ум, разум) стало употребляться в 30-е годы XX века в русле *историко-антропологического подхода* в работах французских историков школы «Анналов» (Л. Леви-Брюль, Л. Февр, А. Блок и др.). Идея ментальности как исторически-специфического типа коллективного сознания народа (его «умственный инструментарий», «психологическая оснастка») давала возможность зафиксировать противоположность официальной и народной, «ученой» и «фольклорной» культур, повернуться к культуре «безмолвствующего большинства».

С позиций психоанализа швейцарский психолог и философ культуры Карл Юнг проявил интерес к изучению «коллективно бессознательного» – глубинных психологических процессов и состояний (архетипов), не представленных в сознании индивида или недостаточно осознанных. Архетипы – это «социокультурные автоматизмы», всеобщие априорные схемы поведения, которые передаются по наследству и определяют схожесть чувствования, мышления и поведения людей, относящихся к общему социокультурному и этнокультурному типу. «Наш бессознательный ум, как наше тело, – писал К. Юнг в работе «Архетип и символ», – хранилище следов и воспоминаний прошлого» [2, с. 118].

В философской традиции обращение к глубинному ментальному слою общественного сознания было обусловлено потребностью различения ментальности и идеологии, установок элиты и народных представлений. Русские философы рубежа XX века в качестве аналога западной ментальности предложили ряд понятий: «душа народа», «мирочувствие», «особый склад души» (Н. Бердяев); «первичное жизнечувствие», «общий духовно-нравственный лик народа» (С. Франк); «бессознательная духовность» (И. Ильин). Такая трактовка во многом была обусловлена тем, что элита восточнославянских обществ всегда тяготела к западной культуре и нигде столь резко не расходилась «великая письменная» и «малая народная» (устная) традиции.

Социокультурный подход к изучению проблемы ментальности предполагает рассмотрение ее через призму взаимодействия культуры и социальных отношений как некую интегральную характеристику представлений, чувствований и поведения людей, живущих в определенной историко-социальной среде. Представляет интерес предложенное французским социологом П. Бурдьё понятие «габитус» (*habitus*), для обозначения системы прочных, приобретенных в конкретной объективной среде («социальном поле») предрасположенностей мышления и поведения, которые формируются автоматически и воспроизводятся в индивидуальной и коллективной практике, даже тогда, когда этого социального поля нет. Габитус

тус является продуктом истории, но и в тоже время предполагает действие людей в настоящем («присутствующее в настоящем прошлое») и одновременно устремлен в будущее [3, с. 84].

Обоснование проблемы ментальности в русле методологии социокультурного анализа предложено также рядом современных российских исследователей. А.Я. Гуревич в работе «Исторический синтез в школе «Анналов» (1993) одним из первых поставил вопрос о необходимости исследовать менталитет как некий «духовный инструментарий» или «склад ума», определяющий своеобразие видения мира, приемы и навыки освоения действительности.

А.С. Ахиезер в фундаментальной работе «Россия: критика исторического опыта» (1991) провел системное исследование специфики динамики социокультурного развития восточноевропейского общества, предложив около 350 новых понятий. Культура и социальные отношения рассматриваются им как два важнейших аспекта человеческой деятельности, изменения в которых подчиняются разным закономерностям, что порождает социокультурные противоречия, проявляющиеся в конфликтах между сохраняющимися на ментальном уровне исторически сложившимися программами деятельности и инновациями, между традиционными и новыми социальными отношениями [4, с. 56].

В работах А.И. Ракитова развивается идея двухкомпонентной структуры культуры и предложена концепция ментальности как «культурного ядра», концентрирующего в себе информацию, ценности, нормы и правила деятельности, выработанные в исторической практике сообщества людей. «Защитный пояс» культуры – своеобразные фильтрующие механизмы, пропускающие информацию от самого ядра во все структурные компоненты социума и активно поглощающие информацию, поступающую от других культур. Через систему воспитания и образования информация, аккумулируемая в ядре культуры, транслируется от поколения к поколению.

Главная функция ядра культуры состоит в обеспечении самобытности социума и его самоидентификации (от лат. *identifico* – отождествление). Это возможно при условии высокой устойчивости и минимальной изменчивости культурного ядра, которое выполняет функцию своего рода социального ДНК. Ментальную информацию сохраняют и воспроизводят языковые структуры, мифология, фольклор, национальные и социальные традиции, обычаи, привычки, правила бытового поведения, обряды, предрассудки.

Рассмотрение различных теоретических интерпретаций феномена ментальности, предложенных историками, философами, психологами,

культурологами свидетельствует, что для современного обществознания необходим комплексный – исторический, философский, культурологический и социально-политический подход к анализу социокультурной самобытности народа: исследование специфики присущих данному социуму ценностей, норм, установок с учетом их когнитивного, эмоционального и поведенческого аспектов.

«Ментальность» – важный междисциплинарный термин, который может использоваться для характеристики социокультурной самобытности народа как особого видения мира, устойчивой модели мышления, поведения, эмоций, чувств, настроений, веры, идеалов, присущих тому или иному коллективному субъекту (народу, нации, социуму).

Говорить о ментальности как о специфическом характере общественного сознания можно лишь в широком смысле, в связи с его глубинными состояниями, т. е. подсознательной эмоционально-психологической основой, имея в виду не столько какие-то осознанные и четко формулируемые идеи и принципы, а прежде всего ту психологическую детерминанту поведения (бессознательную духовность) людей, принадлежащих к определенной социокультурной общности, верность которой они сохраняют в любых обстоятельствах (представления о личности и ее отношении к семье, обществу и другим людям, свободе, равенству, добру и злу, о праве и труде, о ходе истории и ценности времени, о смерти и душе и т. д.).

Проблему ментальности можно рассматривать в плане «инвариантов» бытия, посягательство на которые угрожает цивилизации опасными деформациями. Наряду с природными «инвариантами» (о чем свидетельствует сегодня состояние экологии) мы должны помнить о «социальной экологии» и признать в отдельных компонентах ментальности, хранящих родовой опыт этноса и историческую память народа, своего рода «культурные инварианты» жизни. Вместе с тем, ментальность нельзя представлять и как нечто абсолютно неизменное, не зависящее от реальных социально-политических, экономических и этнокультурных процессов, не поддающееся трансформации (хотя бы на уровне отдельных компонентов) или разумному регулированию (свертыванию одних тенденций и стимулированию других).

В модернизирующемся обществе повышается роль как ментальных, так и идеологических компонентов политических процессов и происходит усиление их взаимной содейственности («со-энергичности»). Идеология и базовые ментальные ценности являются важнейшими факторами стабилизации, каждый из которых по-своему способствует выходу общества на орбиту устойчивого движения. Поэтому условия трансформирующегося общества требуют от политиков ответственного осознания механизмов

взаимодействия идеологии и ментальности, того влияния, которое оказывает самобытное духовное наследие народа на политико-идеологические процессы.

С одной стороны, ментальность играет роль некой постоянной величины (своего рода константы), способствующей социальной стабилизации, особенно в условиях резких перемен в социальной и духовной жизни общества, но, с другой – способна затормозить реформаторские начинания, если они не соответствуют культуре общества. Сложный характер взаимодействия идеологии и менталитета в периоды модернизации проявляется и в том, что идеология должна способствовать формированию инновационных установок поведения.

Идеология белорусского государства может стать идеологией модернизации только в том случае, если будет идеологией национально-государственной, обращенной к национальным архетипам, основываться на национальной мифологии и традиционных ценностях народа, образовавшего нацию. Исторически сложившаяся коллективная психология и «историческая память» народа – важнейший фактор политико-идеологических процессов, развивающихся в современном белорусском обществе. Более того, можно сказать, что менталитет представляет собой глубинный источник государственной идеологии, а сама идеология это и есть расшифровка национальной идеи, смыслообразующее ядро которой заложено на уровне ментальных структур и традиционных социокультурных ценностей общества.

Важнейшая задача политики модернизации в том и состоит, чтобы в процессе реформирования осуществлять целенаправленную избирательную актуализацию самобытного духовного наследия белорусского народа. Национально-государственная идеология – это и есть способ поставить национальный архетип на службу задачам сегодняшнего дня.

Библиографический список

1. Лукашенко, А. Г. О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию / А. Г. Лукашенко // Материалы постоянно действующего семинара руководящих работников республиканских и местных государственных органов. – Минск, 2003. – 87 с.
2. Райгородский, Д. Я. Психология личности : хрестоматия / Д. Я. Райгородский. – 3-е изд. – Самара : Айрис-Пресс, 2000. – 454 с.
3. Бурдые, П. Социология политики / П. Бурдые – М. : Академ. проект, 1993. – 147 с.
4. Ахиезер, А. С. Социокультурная динамика России / А. С. Ахиезер // Полис. – 1991. – № 5. – С. 56–57.